

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Н64

Серия «Попаданец»
Выпуск 92

Иллюстрация на обложке *Айрата Аслямова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Никонов, Андрей
Н64 Бедный родственник: Билет в один конец: роман /
Андрей Никонов. — Москва: Издательство АСТ; Из-
дательский дом «Ленинград», 2020. — 352 с. — (Попа-
данец).

ISBN 978-5-17-123394-5

Существуют ли параллельные миры? Марк Травин, наш современник, точно знает ответ. Волей случая он попадает в развитую цивилизацию, построенную на слове магии и технологий. Космические путешествия и невероятные способности, путешествия между мирами, сражения и интриги — скучать будет некогда. А ведь еще предстоит сделать нелегкий выбор, кто он — пешка в разыгрываемой партии могущественных хозяев Вселенной или самостоятельный игрок, способный отвоевать свое место в чужом мире.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-123394-5

© Андрей Никонов, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

Отряд из семи человек медленно продвигался сквозь плотные заросли лиан. Сначала их было восемь, но сопровождающий, сержант-инструктор из Centro de Instrucao de Guerra na Selva Паоло Мантега, прошлым утром, отсалютовав винтовкой, повернул обратно в походный лагерь, к вертолету. И должен был уже давно улететь обратно на базу.

Идти было тяжело — высокая, практически стопроцентная влажность, жара под сорок, падающие с веток жуки и черные муравьи. В сельве нет ни направления, ни тропинок, постоянно приходилось смотреть в навигатор, чтобы понять, не сбились ли они с курса.

Группа растянулась на двадцать метров, идущий впереди рубил лианы и кустарник, через пятнадцать минут его сменял следующий, а уставший первопроходец занимал место в конце колонны. Среди всех выделялся командир — загорелый мужчина лет пятидесяти пяти, с лицом, изрезанным морщинами, высокий, жилистый, с черными, подернутыми седinou волосами, забранными в хвост, полными губами и крючковатым носом. Орудовать мачете у него получалось лучше других, в этих местах он был не первый раз и когда-то проходил стажировку в CIGS. В кобу-

рах у него были два «Глока-19». У остальных членов группы — ПП «Кедр», кроме одного, ровесника командира, который, помимо «Глока» на поясе, нес за плечами АС «Вал» с оптикой.

Преодолев небольшую речушку, вооруженные люди остановились на привал на небольшой каменной площадке. Речная вода не доставляла дискомфорта, одежда от высокой влажности была настолько мокрой, что казалось, будто они уже второй день плывут.

Бойцы достали из разгрузок энергетические батончики, только командир набрал пальмовых жуков и спокойно начал жевать их живьем под равнодушными взглядами остальных членов группы. Батончики рано или поздно закончатся, так что питаться им придется вот таким подножным кормом.

— Еще два километра, — командир взглянул на навигатор, закрепленный на предплечье, от него шел проводок к солнечным батареям, словно погоны, навешанным на плечи. Такая зарядка позволяла использовать навигатор по десять минут в час. Пауэр-банки в рюкзаке были запаяны в полиэтилен и расходовались по мере необходимости. — Сейчас легче будет, тут деревья не так плотно растут.

Через час люди вышли на большую поляну, метров сто диаметром, с явными следами человеческой деятельности — деревья были вырублены, стволы лежали по периметру, трава по возможности была скошена и убрана. Влажность не сильно уменьшилась, но яркое солнце, стоявшее в зените, выпаривало жидкость из одежды и других предметов экипировки.

Лишняя одежда тут же была скинута и развешана на ветках.

Поляна состояла из трех вложенных друг в друга концентрических кругов, каждое обрамлялось каменным бордюром, перепад высот между соседними был метра полтора, таким образом, центральная часть поляны, диаметром сорок метров, была ниже края примерно на три метра.

В центре поляны по кругу стояли семь каменных столбов высотой пять метров и диаметром с метр, на вершине каждого столба сидела каменная статуя какой-то явно фантастической птицы, внутри этого круга из столбов — каменная плита два на два.

От края прямо к плите, на девять часов от пришельцев, вела дорога — шириной в три метра, без ступеней, ровное, вымощенное камнями полотно, обложенное камнями. С одной стороны дорога оканчивалась прямо у столбов, с другой — уходила на несколько метров в лес, где просто обрывалась.

На втором концентрическом ярусе, напротив пришельцев, стоял «Robinson R44» с медленно вращающимся винтом.

Один из бойцов, тот, который с «Валом», остался за деревьями, еще один тоже не стал выходить на поляну, разместился в пятнадцати метрах от первого — расстелил пенку, уселся на нее и расслабленно привалился к дереву.

Делалось это нарочито небрежно — поджидающие их люди знали, что должны прийти шестеро, так что оставшиеся в охране двое просто показывали, что в случае чего они останутся в тылу и поддержат товарищей огнем.

Командир и четверо сопровождающих выдвинулись к каменному сооружению, игнорируя дорогу. От вертолета отделились три фигурки и подошли к барьеру. Еще одна фигурка осталась у вертолета, спрятавшись за корпусом — бессмысленная предосторожность, кабина «Робинзона» прошивалась из винтовки на раз.

Бойцы остались на самом краю второго яруса, командир легко спрыгнул и зашагал к каменной плите. С другой стороны также двое остались на краю, а их старший, смуглый невысокий молодой человек в цветастой рубашке, белых брюках и белых же туфлях, спрыгнул с барьера и зашагал навстречу вооруженному визави. Оружия у пассажира вертолета не было, в отличие от его сопровождающих, расслабленно державших «калашниковы».

— Ола, Анатолио! — вскинув руки вверх, радостно заорал парень в цветастой рубашке.

— Э боа тарде пара си, сеньор Гомеш, — церемонно поклонился человек с пистолетами.

Они встретились чуть в стороне от круга столбов, обнялись, похлопали друг друга по спине.

— Как долетел? — на чистом русском языке спросил молодой.

— Дошел, — поправил его пожилой. — Продирался через вашу сельву два дня, так что, надеюсь, у твоей мамы все хорошо, и твой дядя еще даст фору молодым, и это все, что я должен буду знать о них, прежде чем мы перейдем к делам.

— Дядя всегда говорил, что ты очень торопишься, — молодой улыбнулся. — Он также говорил, что дела можно вести только с тобой.

Он наклонился к уху пожилого и прошептал:
— Потом объяснишь, зачем тебе понадобился весь этот спектакль.

Пожилой усмехнулся. Кивнул.

Молодой щелкнул пальцами. Тот, кто сидел за вертолетом, встал, достал из кабины чемоданчик, передал подошедшему к нему охраннику. Тот дошел до края яруса, спрыгнул вниз, передал груз молодому в цветастой рубашке и вернулся обратно, легко подтянувшись и запрыгнув вверх.

Молодой поставил чемоданчик прямо на плиту, поклонился пожилому, они еще раз обнялись, пожилой что-то прошептал молодому на ухо, отчего тот встревоженно посмотрел на собеседника.

Пожилой снова кивнул. Команда молодого загрузилась в «Робинзон», и вертолет улетел на запад.

Командир присел на край плиты, раскрыл чемоданчик, улыбнулся. Помахал рукой.

Пока команда собиралась возле него, он скинул разгрузку, отстегнул ножны с мачете, снял пояс с пистолетами, куртку, майку, оставшись с обнаженным торсом. Тело было покрыто многочисленными шрамами, вдоль пупочной линии шел рубец от разреза, с левой стороны — давно зарубцевавшееся пулевое отверстие.

Шестеро собрались вокруг вожака. Тот развернул чемоданчик к зрителям — на белом бархате лежали семь обсидиановых ножей.

— Что это, командир? — спросил пожилой с «Валом».

— На первый взгляд радужный обсидиан, — хлопал по чемоданчику главный. — Но на самом деле

это куда более дорогая разновидность. Каждый такой ножик по пять тысяч идет, если простой. А эти использовались жрецами одной очень древней перуанской семьи, на каждом — кровь тысяч жертв. Представляете, эти ножи вонзались в тела людей еще тогда, когда тут не было португальцев. Точный анализ будем проводить в Израиле, но предварительно — этим вот кинжальчикам более тысячи лет. Знающие люди с руками оторвут, такой чемоданчик полмиллиона стоит, не меньше. Как оружие их не используют, хрупкие очень, ломаются на раз. А для коллекций неповрежденные, с древней кровью, с сертификатами большую ценность представляют. Так что сходили не зря, теперь надо вернуться, все это продать и разделить деньги.

На лицах членов команды отразились смешанные чувства, вот только радости от будущего богатства там не было. Меж тем главный уселся на плиту, подставив лицо солнцу, слева от него лежал раскрытый чемоданчик, а дальше — амуниция и обмундирование грелись лучами полуденного солнца.

— Вертолет заберет нас через четыре часа, — проговорил главный, не открывая глаз.

Меж тем остальные члены команды встали полукругом возле командира, не сводя с него взглядов. Оружия из рук они не выпускали.

— Вы чего, — расслабленно произнес главарь, — расслабьтесь, отдыхайте. Здесь вам ничего не угрожает, даже змей нет. Священное место, вот эти столбы, по поверьям, держали внутри себя злых духов, не давая им проникнуть на Землю. А на этой плите, опять же если верить всем этим сказкам про инков и их ри-

туалы, вынутые из жертв сердца оставляли на солнце. И знаете что? Они не портились, кровь не сворачивалась, а в полночь сердца исчезали, не оставляя на плите ни капли. По мне так бред какой-то, но вот друзья мои говорят, что да — место загадочное. Чувствуете что-нибудь?

Не дождавшись ответа, он обвел взглядом подчиненных.

Те, видимо, колебались, не зная что делать, наконец вперед вышел один, тот самый пожилой с «Валлом».

— Командир, тут это...

— Не тяни, — строго сказал главарь.

— В общем, убить нам тебя приказали.

— Кто? — расслабленно протянул главный, не делая попыток подняться.

Пожилой оглянулся на товарищей, потом снова посмотрел на командира.

— Ладно, догадываюсь. И что вам предложили — деньги? Что еще могут они предложить, — спокойно продолжал главарь.

— Семьи наши они нам предложили, — зло сказал один из бойцов, самый молодой. — У меня вон мать с отцом, у Петровича — внучку, у Санька невесту держат в залоге.

— Ясно, — главный открыл глаза, посмотрел прямо на пожилого. — Внучка, значит. Вы понимаете, что вас все равно прикончат?

— Да, — твердо кивнул пожилой. — Прости нас, командир. Тут или они, или мы. Все вместе. А как умрем, наши родные никому не нужны будут. Отпустят их.

Главный кивнул в ответ, признавая, что да, так и произойдет. Смысла в лишних, бесплатных жертвах нет, а жаловаться те не побегут.

— И когда?

— Прямо перед отлетом, ты уже здесь был. Со всем чужих не стали посылать, а мы вроде как с тобой были уже.

Командир вздохнул. Чему-то улыбнулся.

— И кто из вас?

— Я, — пожилой тоже вздохнул. — Мы жребий бросили.

— Это хорошо. Ну давай, чего ждать-то.

Петрович вскинул автомат, направил дуло в голову.

Никто не заметил, как в руке у главаря оказался один из ножей. Вот он расслабленно сидит и смотрит в дуло автомата, и тут же у Петровича из глаза торчит узкий черный стилет.

Бойцы привыкли отвечать на нападение сразу, не раздумывая, кто бы это ни был. Очередь из ПП ударила в каменную плиту. Как раз в то место, где до этого сидел главный.

Но его там уже не было, перекатом через левое плечо он ушел назад, одновременно сразу пять лезвий выскочили из его руки, и все они нашли цель. Точно в левый глаз каждому из нападавших. Так что следующие очереди били уже в воздух, вокруг, куда угодно, только не в мишень, спрятавшуюся за плитой.

Через несколько секунд, когда все кончилось, командир вылез из-за камня, стряхивая с себя комочки земли и приставшую траву. Поглядел на разбросан-

ные тела — с торчащими из глазниц острыми лезвиями. Кто-то отделался пробитым мозгом, кого-то уже после смерти покромсали пули, все вокруг было забрызгано кровью, ошметками тел и одежды.

Командир грустно улынулся, обошел тела, вытаскивая лезвия — целые, ни одно не повредилось, сложил их на плите. Достал из чемоданчика последнее, провел по запястью, орошая клинок и плиту собственной кровью. Сложил стилеты звездой, остриями к центру.

Из разгрузки достал прозрачный кристалл, положил в центр семилучевой звезды. Сначала ничего не происходило, потом кристалл начал наливаться синим цветом, засиял, перебивая свет солнца, запульсировал.

Оставшийся в живых скинул свои вещи вниз, на землю, за столбы, туда же полетели обувь и штаны, аккуратно сложил лезвия в чемодан, закрыл его, положил на плиту. Оттащил тела за круг столбов.

Посмотрел на край поляны — там уже собралось семейство пум — самец, самка и два детеныша. В зарослях виднелись звериные головы — лесная братия пришла на обед.

— Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста, — прошептал человек. Взял кристалл в руку, крепко сжал.

1

Людам нравится мечтать о том, как они начнут новую жизнь, а когда это еще делать, как не с понедельника. Почти каждый хоть что-то, но собирался начать именно в этот день — сесть на диету, бросить пить, перейти на новую работу или вообще все поменять, потому что именно в пятницу к вечеру ты начинаешь ощущать, что тебя все достало — работа, семейная жизнь, бытовые неурядицы и просто хреновая погода за окном. В субботу надо выспаться хорошенько, поднакопить силы в воскресенье, и вот тогда — полным энергии и планов решиться и все поменять.

В понедельник по утрам самое плотное движение, самые большие пробки и самые нервные, а зачастую и с тяжелого похмелья, водители — хуже только в пятницу вечером. Ну да, в пятницу все готовятся начать новую жизнь, а в понедельник глубоко, еще где-то в сознании, начинают понимать, что все продолжается, но надежда еще есть, она окончательно угаснет ко вторнику.

Есть счастливицы, которым удается кое-как вырваться сквозь мембрану лени и привычек к чему-то новому, оставить в воскресенье то, что так не хотелось брать в новую неделю. Особенно это касается тех, кому за 35 — такой возраст, когда чувство не-

удовлетворенности сложившейся жизнью пересиливает еще не совсем сформировавшуюся рассудительность. Кто-то отрывает маленький кусочек от своих привычек, кто-то режет напроць, но им удается. И они в этот понедельник счастливы, они — победители, пусть иногда это не та победа, которая нужна, и прозрение придет чуть позже, новая работа окажется хуже предыдущей, новая жена — сварливее и жаднее старой, белковая диета загубит почки, а тело, не готовое к интенсивным физическим упражнениям, отомстит порванными связками и болями в суставах, повышенным давлением, остеохондрозом и прочими прелестями здорового образа жизни. Зато будет короткий миг счастья от того, что получилось.

Я смотрю на таких людей и радуюсь за них. Мне вообще ничего не хочется менять, знаю, что это неправильно, но меня моя жизнь полностью устраивает. Меня не напрягает отсутствие жены — при необходимости я могу сделать себе не только бутерброд, но и что-то посерьезнее — например, дойти до кафе, где отлично готовят и моют за тобой посуду, приходящая раз в неделю домработница избавляет меня от грязных носков и несвежих рубашек — они потом обнаруживаются в шкафу, чудесным образом выстиранные и выглаженные. Кстати, после этого визита пыль и грязь тоже куда-то невероятным образом исчезают, а разбросанные вещи возвращаются на свои привычные места. Посиделки с друзьями, которые уже давно обзавелись семьями, с постоянными охами и ахами их жен по поводу моего одиночества, совершенно меня не напрягают — эти же жены в своем стремлении оженить меня постоянно приглашают